

ТАНЯ ТРОТТЕР





ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

Таня Гроттер и магический контрабас

Таня Гроттер и Исчезающий Этаж

Таня Гроттер и Золотая Пиявка

Таня Гроттер и трон Древнира

Таня Гроттер и посох волхвов

Таня Гроттер и молот Перуна

Таня Гроттер и пенсне Ноя

Таня Гроттер и ботинки кентавра

Таня Гроттер и колодец Посейдона

Таня Гроттер и локон Афродиты

Таня Гроттер и перстень с жемчужиной

Таня Гроттер и проклятие некромага

Таня Гроттер и болливый сфинкс

Таня Гроттер и птица титанов



ДМИТРИЙ ЕМЕЦ

ТАНЯ ТРОТТЕР
И МАГИЧЕСКИЙ
КОНТРАБАС



Москва
2022

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Е60

Художник и дизайнер *Инна Гюттер*

Емец, Дмитрий Александрович.
Е60 **Таня Гроттер и магический контрабас / Дмитрий Емец.** — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-167752-7

Чёрная волшебница Чума-дель-Торт, имя которой страшатся даже произносить вслух, стремясь к власти, уничтожает одного за другим светлых волшебников. Среди её жертв — замечательный белый маг Леопольд Гроттер. Его дочери Тане неизвестным образом удается избежать гибели, но на кончике носа у неё возникает загадочная родинка... Чума-дель-Торт таинственно исчезает, а Таня Гроттер оказывается подброшенной в семью предпринимателя Дурнева, своего дальнего родственника. В этом крайне неприятном семействе она живет до десяти лет, а затем попадает в единственную в мире высшую школу магии Тибидохс...

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-167752-7 © Емец Д., 2015
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022



Глава 1

МЛАДЕНЕЦ В ФУТЛЯРЕ

Ярким осенним утром, когда всё в мире выглядело пронзительным и до безобразия счастливым, а листва на деревьях сияла, словно была облита сусальным золотом, из подъезда многоэтажного дома на Рублевском шоссе вышел высокий сутулый человек в сером пальто.

Звали его Герман Дурнев, он был директором фирмы «Носки секонд-хенд» и отцом годовалой дочери Пипы (сокращённо от Пенелопы).

Остановившись под козырьком подъезда, Дурнев неодобрительно огляделся. Солнце, чья округлая физиономия была плоской как блин, нежилось на соседней крыше, будто лентяш и соображая, стоит ли ему восхо-

дить дальше или и так сойдёт. На куче листьев недалеко от подъезда полулежала женщина в оранжевом комбинезоне и смотрела в открытый люк. Профиль у неё был правильный, греческих очертаний, а медно-рыжие волосы топорщились так, что невольно заставляли вспомнить о змеях. В люке кто-то бурно возился и громыхал. Надутые воробьи клевали что-то на асфальте, бойко, словно резиновые мячи, отскакивая от прохожих.

Из окон и подвалов, с площадей и куцых скверов, с крон деревьев и неба, увешанного мочалками туч, из кошачьих глаз и из женских сумочек, из выхлопных труб автомобилей, с магазинных ценников и всё ещё обгоревших носов дачников — отовсюду, потирая жёлтые морковные ладони, глядел совсем юный, недавно родившийся октябрь.

Но Герману Дурневу до всей этой красоты не было никакого дела. Погода и вообще природа интересовали его лишь настолько, чтобы определиться, не взять ли с собой зонтик или не пора ли поставить на автомобиль зимнюю резину с шипами.

Он посмотрел на часы и достал коробочку с гомеопатией.

— Хамство какое-то это солнце! Раз, два... И не доплюнешь ведь до него... Хотя бы оно вообще потухло... Разве в такой день у кого-нибудь может быть рабочий настрой? Пять, шесть... Рано или поздно у меня точно будет язва... Или уже есть... Семь... — пробормотал он, отсчитывая шарики и помещая их себе под язык.

Когда шарики рассосались, Дурнев хорошо задумался и сказал себе:

— Ну вот, теперь я точно доживу до обеда, если от нового мозольного пластыря у меня не случится заражения крови.

Разумеется, Дурнев и не подозревал, что за ним наблюдают. Большая отвратительного вида птица — хмурая, взъерошенная, с длинной облезшей шеей, на которой почти не было перьев, наблюдала за ним с козырька подъезда. В клюве птица держала вырезанную из журнала фотографию, с которой смотрел... да, это был он самый — Герман Дурнев, снятый вместе с женой Нинелью и дочерью Пипой на выставке «Международные подтяжки» на ВВЦ.

Изредка птица опускала фотографию на жестяной лист и принималась въедливо сравнивать настоящего Дурнева с фотографией. При этом из клюва на снимок капали отвратительные зеленоватые комки слизи.

Можно себе представить, как поразился бы Дурнев, если бы случайно поднял голову и взглянул, кто сидит на козырьке подъезда. Однако Герман Никитич был не из тех, кто обращает внимание на птиц — если, разумеется, это не варёная курица, лежащая перед ним на тарелке. К тому же в данный момент изворотливый ум руководителя фирмы «Носки секонд-хенд» был занят решением вопроса, как растаможить два вагона использованных носовых платков под видом товаров для детей.

Дурнев спустился с крыльца и, наступив на восхитительно яркий жёлтый лист, несколько раз с явным удовольствием повернулся на каблуке. Сделав это, он уже совершенно равнодушно миновал множество других листьев и сел в новую чёрную машину. Машина

зафырчала и тронулась. Птица с голой шеей тяжело сорвалась с козырька и полетела следом за машиной, явно не собираясь терять её из виду.

* * *

Сидящая на газоне женщина, о которой Дурнев мельком подумал как о ремонтнице, проводила птицу пронзительным взглядом и пробормотала себе под нос:

— Хотела бы я знать, что тут делает Мёртвый Гриф? Последний раз я встречала его, когда спускали на воду «Титаник». Не помню, что там случилось с этим парходом, но наверняка были какие-то неприятности.

Она вскинула руку, на среднем пальце которой было сверкающее кольцо, и негромко шепнула:

— *Искрис фронтис!*

В тот же миг из кольца вырвалась зелёная искра и опалила птице крыло. Теряя перья, Мёртвый Гриф камнем рухнул на асфальт, что-то хрипло прокричал и, снова взлетев, метнулся за ближайший дом.

Загадочная особа подула на раскалившееся кольцо.

— Ненавижу этих живых мертвецов. Их невозможно убить во второй раз. Лучше уж иметь дело просто с нежитью, — проворчала она.

Тем временем в люке снова что-то со страшным грохотом обрушилось. Плеснула вода.

— А-апчч! — донеслось из люка так оглушительно, что крышка даже подскочила.

Забыв о птице, ремонтница — если, разумеется, это была ремонтница — озабоченно склонилась над люком:

— Академик, вы простудитесь! Умоляю, наденьте хотя бы шарф!

— Медузия, не чуди! Водолазам шарф не поможет! — немедленно отозвался голос.

Но женщину это ничуть не успокоило.

— Клянусь волосом Древнира, это ни в какие ворота не лезет! Представить только, сам академик белой магии, глава школы волшебства Тибидохс, Сарданапал Черноморов вынужден снимать простейшие заклятия нежити! Где, позвольте спросить, наши младшие волшебники, где ассистенты? — строго поджав губы, спросила она.

Громыхания в люке прекратились. На поверхность поднялся маленький румяный толстячок, одетый в оранжевую спецовку, с которой стекала вода... Нет, простите, совсем не в спецовку, а в мантию. Спецовкой она могла показаться только не очень внимательному наблюдателю, и то на первый взгляд. Точно такая же оранжевая мантия была и на его спутнице.

— А-апчч!.. Медузия! Всё это, право, такая ерунда, что не стоит никого утруждать!.. А-апчч! Без практики я в два года стал бы беспомощным кабинетным магом. Мало ли среди нас лентяев, которые и в свинью не могут превратиться без кольца? Не говоря уж о высших дисциплинах, таких как теоретическая магия, левитация, защита от сглаза или изготовление талисманов.

Приведя этот убийственный, на его взгляд, довод, академик Сарданапал приподнялся на цыпочки и жизнерадостно огляделся. Правый ус у него был зелёным, а левый жёлтым. Но самым странным было даже не это, а то, что усы ни секунды не пребывали в состо-

янии покоя. Они то извивались, как две живые верёвки, то сплетались, то норовили обвить дужки очков и сдёрнуть их у толстячка с носа. Правда, сделать это было не так-то просто, поскольку очки явно держались не столько на дужках, давно разболтавшихся, сколько на особом заклинании.

Что касается бороды академика, то цвет её был вообще неопределим, поскольку она то появлялась, то исчезала. Наверняка можно было сказать только одно — борода была феноменально длинной, настолько длинной, что её пришлось многократно обмотать вокруг туловища, а конец спрятать в карман.

Заметив наконец, что его мантия промокла, глава школы волшебства пробормотал:

— *Первачус барабанус!*

От одежды повалил пар, и уже несколько мгновений спустя она совершенно высохла.

— Ах, какой чудный осенний денёк! — воскликнул Сарданапал, поворачиваясь к своей спутнице. — Он похож на тот день, когда мне впервые отрубили голову! Ты согласна со мной, Медузия?

Преподавательница нежителиведения доцент Медузия Горгонова, поморщившись, провела пальцами по своей шее.

— Уф! От лопухоидов можно ждать только гадостей... Мне тоже отрубили голову. Невоздержанный тип в крылатых сандалиях, пялившийся в собственный щит. Тогда я была дурно воспитанной колдуньей с кошмарными привычками, и только вы, академик, меня перевоспитали, — сказала она.

Усы Сарданапала польщенно дрогнули.

— Перестань, сколько раз можно благодарить! Приклеить тебе голову было сущим пустяком! Для этого не пришлось даже прибегать к серьёзной магии, вполне хватило простенького штопочного заклинания. Ну а то, что ты отказалась от прежних привычек, — честь тебе и хвала! Моя заслуга была... кгхм... минимальной... кгхм...

— Как вы можете так говорить! — воскликнула Медузия. — Я же превращала путников в изваяния! Любый, кто смотрел на меня, мгновенно становился камнем!

— Ерунда, не вспоминай об этом! Ты была совсем молоденькой девчонкой, комплексующей из-за прыщей, вот и заколдовывала тех бедолаг, которые тебя случайно увидели. Откровенно говоря, я тебя прекрасно понимаю: эти древние греки всюду совали свой любопытный нос. Ты даже на остров удалилась подальше от их глаз, а они всё равно шлялись поблизости, размахивая мечами. Всё, что мне потребовалось, это вылечить тебя от прыщей. И какой красавицей стала! Даже Бессмертник Кощеев и тот постоянно краснеет, когда прилетает в Тибидохс на скелете своего верного коня...

— Скверный старикашка! Сорок килограммов посеребрённых костей, золотая черепушка, янтарные зубы — и всё это в латах от Пако Гробанн! — нахмурилась Медузия.

— Но ты не будешь спорить, что он в тебя влюблён! Доцент Горгонова смущённо зарделась. Красные пятна, вспыхнувшие вдруг в разных местах на её щеках, чем-то походили на вишни.

— Сарданапал! Я же просила! — укоризненно воскликнула она.

Усы академика белой магии виновато дрогнули.

— Проклятое ехидство! После того как я случайно выпил настойку с ядом гарпий, никак не могу от него избавиться. Пробовал и печень дракона, и полстакана зелёнки с каплей жёлчи василиска утром и перед сном — ничего не помогает! — пожаловался он.

— Не извиняйтесь, я не обиделась. Просто не люблю, когда при мне произносят это имя... — смягчилась Медузия. — Скажите лучше вот что: неужели мы с вами тащились сюда из самого Тибидохса затем только, чтобы расколдовать этот занюханный люк, который вытягивает у прохожих ключи и монетки? Только не лукавьте. Мы же знаем друг друга уже три тысячи лет...

Сарданапал укоризненно посмотрел на свою спутницу и высморкался в гигантский платок со звёздами, который загадочным образом возник вдруг у него в руке. Звёзды на платке перемигивались и складывались в причудливые созвездия, причём созвездие Жертвенника пыталось обчихать созвездие Стрельца метеоритами.

— Медузия, ты рассуждаешь как волшебница. Поставь себя на место обычного человека. Ключи — это не дребедень. Человек, лишившийся ключей, имеет реальный шанс заночевать на лавочке и подхватить насморк... Вот как я, например.

— Ваш насморк оттого, что вы не надели шарф, когда мы летели над океаном... А нужды лопухоидов меня волнуют очень мало. В их мире полно заколдованных люков, взбесившихся турникетов и самозахлопывающихся подвалов. Нежить не сидит сложа руки.

Едва мы уйдём, на этот люк вновь наложат заклятие. И мы ничего не сможем с этим поделать.

Видя, что его спутница начинает сердиться, академик Сарданапал легонько подул на платок, и тот растаял у него в ладони, предварительно превратившись в синюю мочалку.

— Прости, Медузия. С недавних пор я подозреваю, что моё чувство юмора тоже кто-то заколдовал. Не исключаю, что его глазили таджикские джинны, которым я запретил устраивать пыльные бури... М-м... Ты видела человека, который только что вышел из подъезда?

— Видела. Но каким образом вы сумели? Я хочу сказать, вы же были под землёй!

Сарданапал загадочно улыбнулся:

— О, если я захочу что-то увидеть, несколько метров асфальта мне не помешают. И что ты о нём думаешь?

— Крайне неприятный тип... Бр-р... Даже от лопухоида обычно ожидаешь большего.

— Ну-ну, Медузия, не будь такой суровой. Хотя бы из уважения к памяти Леопольда Гроттера.

— ЛЕОПОЛЬДА ГРОТТЕРА?! Он его знал? — поражённо воскликнула Медузия.

Сарданапал кивнул:

— Более чем. Он его родственник. И даже довольно близкий — всего-навсего троюродный племянник сестры его бабушки. Разумеется, для лопухоидов такое родство — седьмая вода на киселе, но мы-то с тобой знаем формулу магородства Астрокактуса Параноидального!

— Он родственник Гроттера! Так вот почему мы...

— Тшш! — Академик внезапно поднёс палец к губам, приказывая Медузии замолчать. Оба его уса разом напряжинились и указали на канализационный люк.

Кивнув, Медузия бесшумно подкралась к люку и, присев на корточки, резко просунула туда руку. В ту же секунду из колодца послышался противный визг.

— Есть! Схватила! А ну стой! — крикнула преподавательница нежитеведения.

Когда рука Медузии вновь показалась на поверхности, её пальцы крепко вцепились в ухо маленькой дамочки с бугристым фиолетовым носом и зелёными волосами. Ступни у шипящей дамочки были пре-
странные — плоские и весьма смахивающие на ласты. Пленница шипела, плевалась, щёлкала треугольными зубами и пыталась лягнуть Горгонову то правой ластой, то левой, а то и обеими поочерёдно.

— *Убьюга на местюга! А ну отпушуги, кому говорюги! Напустюги заклююги! Тьфуги на тыги! И на тыги тьфуги!* — яростно выкрикивала она.

— Ишь ты — кикиморка! Любопытный экземплярчик, довольно крупный... — с интересом разглядывая пойманную Медузией дичь, прокомментировал Черноморов.

— Опять эта нежить! — брезгливо поморщилась Медузия. — Порой я начинаю сомневаться, что Та-Кого-Нет действительно исчезла. То кто-то подослал Мёртвого Грифа, а теперь вот это страшилище... А ну не трепыхайся!

— *А-а-а! Сама страшилюга! Отпушуги, сволочуги! Моя свои делуги проходуги! Нужнуги вы*

мнуги, рвануги штануги! Тьфуги на тыги! — визжала кикиморка, не оставляя попыток пнуть Медузию ластой. Той приходилось удерживать её на расстоянии вытянутой руки, что было непросто, так как кикиморка была довольно упитанная.

— Перестань голосить! Кто тебя подослал? Говори! — строго потребовала Медузия.

— *Ничевуги не скажуги! Глупуга ведьмуга! Сейчас как сделугу тебе проклянугу! Сыграешь в гробугу!* — гневно пропищала кикиморка, пытаясь сопроводить свои слова прицельным плевком.

Горгонова сурово зыркнула на кикиморку своими пронзительными глазами.

— Попробуй! — сказала она с угрозой.

— *Очнюга ты мне нужнуга!* — мгновенно передумала хитрая кикиморка и жалобно зашепелявила, что она несчастная сирота и что её, сироту, всякий может обидеть.

— Ага, обидишь тебя, сиротинушку! — хмыкнул Сарданапал. Академик сделал вид, что хочет поднести палец ко рту кикиморки, и тотчас её острые треугольные зубы щёлкнули точно капкан. Не отдёрни Сарданапал руку, у него стало бы одним пальцем меньше.

— Она ничего не расскажет. Я знаю этот народец. А что она не по своим делам тут шастала, так это точно. Может, заспиртуем её для музея, чтобы никому не проболталась? — предложила преподавательница нежителиведения, энергично встряхивая кикиморку за ухо.

— *А-а-а-а-а! Не хочуга в спиртуга! Я буду молчуга! Буду самая тихая тихуга!* — пронзительно заорала кикиморка.

— Не стоит, Медузия. Помещать её в банку совершенно необязательно. Я сделаю так, что она всё забудет. — С ловкостью, которой сложно было ожидать от неповоротливого флегматика с круглым брюшком, Сарданапал схватил кикиморку за ласту и, подув ей в ухо, вполголоса произнёс:

— *Склеротикус маразматикус! Полниссимо дебилиссимо!*

После этого он хладнокровно разжал пальцы, уронив шпионку в траву. Некоторое время зелёная дамочка очумело трясла головой, явно находясь в сильном замешательстве. На Сарданапала и Медузию она смотрела тупо и без любопытства. Сделав несколько заплетающихся шагов по газону, кикиморка слегка опомнилась, презрительно фыркнула и, вразвалку подойдя к люку, прыгнула туда солдатиком. Из люка выбрызнул небольшой фонтанчик воды, раздалось несколько нехороших слов — и всё стихло.

— Уплыла, — сказал Сарданапал, указывая зелёным усом направление.

— Ужасно надоела вся эта нежить. Давно пора наложить на неё заклятие, чтобы не совалась к лопухоидам. Однажды она нарушит равновесие сил, и тогда нам всем придётся плохо. — Медузия озабоченно прищёлкнула языком.

Сарданапал легкомысленно отмахнулся:

— Ерунда, Медузия. Ты, как всегда, преувеличиваешь. Нежить — это бестолковая сила, возникшая из хаоса и частично сохранившаяся со времён язычества. Да, нежити много, в десятки раз больше, чем нас, магов — белых и чёрных, но она никогда не была в со-

стоянии договориться между собой. Сколько я себя помню, нежить всегда нарушала запреты, устраивала лопухоидам пакости и расшатывала равновесие. Но пока цел волос Древнира и стоят Ворота, нашему миру ничто не угрожает. Даже со стороны тёмных магов, которых мы никак не выкурим из Тибидохса.

— А как же Та-Кого-Нет?

— Согласен, она была единственной, кто сумел организовать нежить и натравить её на нас. Более того, ей почти удалось заставить нас, магов, сдать ей свои позиции. Если бы не Леопольд Гроттер и его новорождённая дочь...

— Не только Гроттер. Вы никогда не боялись её, академик! Даже когда она была в силе!

Сарданапал застенчиво порозовел:

— О, разумеется! Я всегда готов произнести во всеуслышание её истинное имя — Чума-дель-Торт! Видите? ЧУМА-ДЕЛЬ-ТОРТ! И ничего страшного!

Не успел зычный голос академика замереть в сдвинутом лабиринте многоэтажек, как стекло лоджии на третьем этаже брызнуло осколками и оттуда, подхлёстывая себя шнуром, вылетел поблёскивающий утюг. Со свистом рассекая воздух, он понёсся точно Сарданапалу в голову. Подобрал полы мантии, академик резво отпрыгнул и что-то пробормотал. В тот же миг утюг обратился в пар.

— Видели? Та-Кого-Нет хотела вас убить! — испуганно воскликнула Медузия.

— Пустяки. Самой тётки Чумы уже нет... Просто сработало одно из старых заклинаний. Она их тысячами повсюду разбрасывала. — Сарданапал улыбнулся

и наступил на уцелевшую вилку, попытавшуюся обвить его ногу своим шнуром.

Медузия передёрнулась от омерзения. В её тонкой руке неведомым образом возник лорнет, в который она разглядывала части уничтоженного утюга.

— Какая мерзость! Очередное гадкое изобретение лопухоидов... Идёмте отсюда! Здесь нам больше делать нечего.

Черноморов покачал головой:

— А вот тут ты ошибаешься. Пришла пора выполнить самую неприятную и тяжёлую часть нашей миссии. Я начал об этом говорить, но нам помешали. Мы должны... как это нам ни тяжело... оставить Таню человеку, которого вы недавно видели.

Медузия Горгонова отпрянула. Её медно-рыжие волосы, и без того растрёпанные, встали вдруг дыбом и зашипели. Случайный человек, не знавший, что Медузия давно завязала со своим прошлым, мог бы поклясться, что только что видел клубок извивающихся змей.

— КАК?! Я не ослышалась? Вы хотите отдать дочь Леопольда Гроттера этому жалкому лопухоиду? Девочку, неведомым образом уцелевшую в схватке с Той-Кого-Нет? Девочку, после встречи с которой Та-Кого-Нет пропала?

Уловив в голосе Медузии гневные нотки, академик торопливо отвернулся, чтобы случайно не взглянуть ей в глаза. Отвести древнюю магию можно, но она имеет побочные действия.

— Медузия, у нас нет другого выхода, — сказал он мягко. — Мы просто не можем поступить иначе.

Клянусь волосом Древнира, я скорее позволил бы сбрить себе усы и обкорнать бороду, чем отдал бы дочь Гроттера этому лопухоиду, но... мы должны, мы просто обязаны сделать это для блага всего Тибидохса.

— Но почему?! — воскликнула Медузия. — Почему?

Величайший из магов опустился на кучу листьев и вытянул ноги в старомодных вылинявших чулках. Последний раз он был в человеческом мире во времена Екатерины II и теперь, постаравшись одеться по моде, малость промахнулся.

— Я расскажу тебе, как всё было той ночью. Ты помнишь, три дня назад, когда всё случилось, разразилась ужасная гроза...

— ...явно магического происхождения. Мы даже не знаем толком, кто её наслал, — добавила Медузия.

— Именно. В ту ночь ко мне в окно главной башни Тибидохса, где, как ты знаешь, расположена моя алхимическая лаборатория, влетел насквозь мокрый, дрожащий купидончик в красных подтяжках... — сообщил Сарданапал.

Его усы немедленно сложились в два сердечка. Им нравилось слегка насолить хозяину. Скрывая улыбку, доцент Горгонова облизнула губы.

— Купидон? К вам? Но ведь купидон — это амур, а амур...

Усы обиженно встопорщились. Правый попытался даже щёлкнуть Медузию по носу, но не достал.

— Мне не надо объяснять, кто такие купидоны, — сухо произнёс Сарданапал. — Я не спутаю их ни с гарпиями, ни с домовыми, ни с членами команды Тиби-

дохса по драконболу. Да будет тебе известно, цель его визита была далека от романтической. В наш скучный век в любви все чаще объясняются по телефону. Стрелы амура уже больше никого не прошибают — кожа стала больно толстой, вот беднякам купидонам и приходится заниматься разносной почты. Должны же они как-то зарабатывать себе на нектар и амброзию? Так вот, купидончик выжал свои мокрые подтяжки и вручил мне письмо от Леопольда Гроттера.

— Последнее письмо Гроттера! — воскликнула Медузия. Её ирония мгновенно улетучилась. — Но вы же никогда никому...

Усы Сарданапала заметались со скоростью автомобильных дворников, показывая, что это строжайший секрет.

— Разумеется, никому. И ты скоро поймёшь почему. Правду должны знать лишь те, кому я абсолютно верю. Я отправил купидончика согреться в русскую баньку — признаться, я даже рад, что циклопы устроили её у нас в подвале (хотя когда-нибудь их парная, безусловно, рванёт), — а сам немедленно стал читать письмо. Оно было очень лаконичным: Гроттер сообщал, что после множества неудач ему удалось наконец получить Талисман Четырёх Стихий.

Зрачки у Медузии сузились. Она тревожно оглянулась на люк, проверяя, не лезет ли из него любопытная бугристая физиономия.

— Скорее всего, я сошла с ума, — ошеломлённо пробормотала она. — Талисман Четырёх Стихий, заключающий в себе силы огня, воздуха, земли и воды! Талисман, дающий тому, кто его носит, огромную

силу... Пожалуй, тот, кто владеет талисманом, мог бы бросить вызов самой... Той-Кого...

— Да, Чуме-дель-Торт, — отважно уточнил Сарданапал, невольно взглядывая наверх: не просвистит ли ещё один утюг. — Гроттер писал: чтобы получить талисман, он использовал сто сорок семь разных составляющих, среди которых, как я полагаю, обязательно должны были присутствовать сердолик и мышинные слёзы... Ну а тайну всего остального он унёс с собой в могилу...

— А его талисман? Он у вас? — взволнованно спросила Медузия.

— Талисман пропал. Исчез самым невероятным образом. Но ты не дослушала... Едва дождавшись окончания грозы, я сел на реактивный диван и полетел к Леопольду Гроттеру.

— Вы полетели на реактивном диване?

Черноморов смутился. Впрочем, нельзя сказать, чтобы очень.

— Да, я понимаю, что ты хочешь сказать: кто-то из учеников, особенно из чёрных, мог меня увидеть и поднять на смех. Ещё бы: академик, лауреат премии Волшебных Подтяжек, глава легендарного Тибидохса летит на драном диване с ошипанными куриными крыльшками... Диване, из которого торчат медные пружины... Было уже поздно, и меня никто не видел... Да и откуда? Разве кто-то стал бы выглядывать в окно, услышав всего-навсего небольшой грохот... М-м... Я почти даже и не врезался в витраж Зала Двух Стихий, а если стекло и осыпалось, то от времени... Всё-таки ему было семьсот лет...

«Кошмар! А я думала, что витраж разбило молнией!» — подумала Медузия.

— Вначале я хотел воспользоваться ковром-самолётом, но отправляться на ковре в такую сырость было бы транжирством: его погрызла бы моль. И потом, реактивный диван почти в полтора раза быстрее... Ну а про сапоги-скороходы я вообще не говорю. С тех пор как их сглазили, точность приземления у них почти двадцать вёрст... О, конечно, я мог бы взять швабру с пропеллером или летающий пылесос, но вы отлично знаете, что они неудобны. Во время долгих перелётов на них затекает спина, а отсутствие багажника мешает захватить с собой даже самый мало-мальский груз.

Преподавательница нежитиеведения тихонько вздохнула. К чудачествам академика Сарданапала в Тибидохсе давно уже привыкли. Он вполне мог, перепутав эпохи, заявиться на занятия в римской тоге или воспламенить по ошибке чью-нибудь ушную серу, перепутав её с серой химической. А что стоит тот случай с гостем с Лысой горы, когда академик погрузил его в трехмесячный сон, прочитав ему случайно вместо приветственной речи заклинание зимней спячки сусликов? Но что ни говори, а всё же он был величайшим волшебником после Древнира.

— Ты слушаешь меня, Медузия? По-моему, ты отвлеклась! — Академик укоризненно взглянул на свою спутницу, а та, встревожившись, запоздало сообразила, что забыла защитить свои мысли охранным заклинанием.

Когда имеешь дело с могучим магом, нельзя упускать из внимания никаких мелочей.

— Итак, я летел к Леопольду, — продолжал Сарданапал. — Ветер был попутный, так что на дорогу ушло не более трёх часов. Ещё не добравшись до места, я обнаружил, что вокруг его дома во множестве толпится нежить. Вела она себя престранно — бормотала что-то, пыхтела, ходила кругами и вообще была какая-то пришибленная. Заметив меня, нежить за считанные минуты рассосалась. Вы же знаете этих существ: то их много, то вдруг разом никого нет...

— И никто даже не попытался напасть? — удивилась Медузия.

— Абсолютно. Я глазам своим не поверил. Столько нежити в одном месте могла собрать только Чумадель-Торт, но она бы уж точно не упустила шанса свести со мной счёты. Вот загадка — ещё совсем недавно нежить готова была разорвать нас в клочья, а теперь мы для неё словно не существуем... Занялась своими мелкими дрызгами.

— И тогда вы догадались, что Та-Кого-Нет исчезла?

— Ну не совсем ещё догадался, но уже задумался. Я подошёл к дому Леопольда, постучал — в ответ ни звука. Тогда я толкнул дверь, и она открылась. Даже не открылась, а просто упала от одного прикосновения. В доме всё было перевернуто вверх дном. Внутренние стены обрушились, перила обуглились, от мебели остались лишь щепки. Похоже, кто-то, наделённый чудовищной магической силой, произнёс заклинание полного уничтожения. Я кинулся в лабораторию. Она пострадала больше всего. Даже гранитный валун, служивший Леопольду столом для опытов, осыпался в порошок, едва я к нему прикоснулся... — Голос Сардана-

пала дрогнул. — Гроттер и его жена Софья... им уже никак нельзя было помочь. Даже я не мог, хотя, как вы знаете, Медузия, я слегка соображаю в магии. Но вот чудо — посреди лаборатории, на выщербленном заклинаниями полу, среди осыпавшейся штукатурки лежал футляр от контрабаса, а в нём — крошечная девочка, их дочь... Мы же хорошо знали Гроттеров, Медузия. Они были люди искусства, маги высоких материй. Волшебство и музыка — вот ради чего они жили. Для ребёнка у них не было даже коляски, они вполне обходились футляром от контрабаса. Испугавшись, что девочка тоже мертва, я наклонился над футляром, и — о чудо! — она безмятежно спала, а в ладони у неё был зажат серебряный скорпион Чумы-дель-Торт...

Медузия резко выпрямилась. Медно-рыжие волосы вновь зашипели змеями.

— Как? Тот самый скорпион-убийца, которого Та-Кого-Нет подсылала жалить своих жертв, когда хотела насладиться их мучениями?

— Да. Но девочке он не смог повредить, хотя на кончике носа у неё я заметил два красных пятнышка. Похоже, скорпион ужалил её прямо в родинку. Даже лёгкого укуса обычно хватало, чтобы убить взрослого волшебника... А она, эта малютка, его попросту раздавила. Годовалая девочка управилась с серебряным скорпионом, даже не проснувшись.

— Всё-таки невероятно, что она выжила. А если скорпион изжил свой яд? Или использовал его раньше? — с недоверием спросила Горгонова.

— Нет, яда было достаточно. А старых скорпионов Чума-дель-Торт не держала. Но даже если за-

быть о скорпионе, остаётся другое: заклинание полного уничтожения — эта грозная белая вспышка, которая выжигает всё кругом, — также не смогло причинить Тане никакого вреда. А ведь этот вид магии не из тех, что направляют выборочно. Он разносит всё и всех, кто окажется поблизости, за исключением того, кто произнёс заклинание.

По щеке Медузии прокатилась слеза и упала на кучу кленовых листьев. Листья задымились. Неизвестный народный сказитель, впервые назвавший женские слёзы горячими, похоже, был знаком с кем-то из волшебниц.

— Несчастные Гроттеры! А что же Талисман Четырёх Стихий? — всхлинула Медузия.

— Я так и не сумел его обнаружить, — сказал Сарданапал. — Его не было ни у Леопольда, ни у его жены Софьи, ни у ребёнка... Не было нигде в доме. Скорее всего он был уничтожен заклинанием вместе со всеми остальными изобретениями Гроттера. Вначале я, правда, подозревал, что его унесла Чума-дель-Торт, но, если бы это случилось, мы бы уже об этом знали. Нет, она точно исчезла, и странное поведение нежити — тому лучшее подтверждение. Не знаю, что случилось в доме Гроттеров, но эта крохотная девочка сделала то, чего не смог сделать ни один волшебник... Она остановила Ту-Кого-Нет...

Только теперь обнаружив горящие листья у себя под ногами, Медузия произнесла короткое заклинание, сопроводив его знаком, который её магическое кольцо начертало прямо по воздуху. Огонь погас. Начертанный Медузией знак ещё некоторое время, слабо коле-

блясь, висел в воздухе. Горгонова раздражённо стёрла его ладонью.

— Но почему вы хотите отдать девочку Дурневу? Зачем посылать её в мир к лопухоидам? Что нам стоит вырастить её в Тибидохсе? — с досадой спросила она.

— Медузия, ты забыла, что за место Тибидохс? Уж кому-кому, а ребёнку там делать совершенно нечего. Только представь себе: Тибидохс — и вдруг ребёнок! А если выплывет Безглазый Ужас? Или, скажем, Пельменник упустит своё Гробовое Покрывало, и оно, как в прошлый раз, будет подкарауливать припозднившихся учеников на тёмных лестницах? А циклопы, буйствующие каждое полнолуние? А Раздирало, которого, кстати, ты совершенно напрасно вытащила из раскалённой пещеры в сердцевине Земли, где он был заточён.

— Он обещал, что бросит все свои привычки и будет у нас привратником. Вы же сами знаете, что на циклопов сложно положиться. У этих тупиц голова как сито, — оправдываясь, сказала Медузия. — А потом... ну вы сами знаете, что потом...

— Вот именно... По коридорам Тибидохса ходит невидимый Раздирало, воеет, хрипит и творит что придётся, а мы даже не можем его поймать, потому что он может отразиться только в Зеркале Судеб, но туда-то он и носа не показывает! — сердито крикнул Сарданапал. — И ты хочешь, чтобы я отдал в Тибидохс дочь Гроттера?

— Но я могу наложить охранные заклятия! Мощнейшие охранные заклятия, через которые не перешагнут ни Раздирало, ни Карачун, ни Деревянная Баба,

ни Безглазый Ужас. А пустая Инвалидная Коляска и летающее Гробовое Покрывало — это же вообще мелочи. Они способны причинить вред только новичку, не знающему отгоняющего заклинания... — с презрением сказала Медузия.

— А новорождённая девочка, по-твоему, способна его произнести?

— Нет, не способна. Но, Сарданапал, мы же можем наконец испугать её в Отводящей Ванне, и тогда...

Академик белой магии перебил её:

— Да, согласен. Можем. Гробовое Покрывало — это мелочь. Коляска — тоже. Замораживающие Капканы и Статуи-душители тоже, пожалуй, ерунда. А Безымянный Подвал? Ну а Исчезающий Этаж — тоже мелочь? Мы до сих пор не знаем, что стало с теми двумя балбесами, которых угораздило туда пробраться. И наконец, что ты скажешь о Жутких Воротах?

Медузия вздрогнула.

— Вы правы, Сарданапал, — сказала она убито. — О Безымянном Подвале и о Жутких Воротах я не вспомнила... Но это же дочь Гроттера! Девочка, которая сумела пережить встречу с Той-Кого-Нет и выдержать...

Академик перебил её:

— Мы не знаем, как ей это удалось, но знаем, чего это стоило Леопольду и Софье. И снова подвергать девочку опасности... Кроме этого... — тут Сарданапал сделал длинную паузу, — существует ещё одна причина... Крайне важная, по которой Таня никак не может находиться в Тибидохсе. Во всяком случае, как можно дольше не должна там появиться...

— Какая причина?! — горячо воскликнула Медузия.

Сарданапал укоризненно посмотрел на неё:

— Пока я не могу тебе рассказать, хотя доверяю тебе больше, чем кому-либо. Но это та самая причина, по которой Гроттер не остался жить в Тибидохсе, а увёз Софью и ребёнка в такую глушь, где, кроме болотных кикимор, оборотней и нежити, никого и не встретишь. И это Гроттер — с его столичным образованием, прекрасными манерами и привычкой к ежедневному музицированию. Понимаешь, Медузия?

Доцент Горгонова уныло кивнула, осознав, что причина, загнавшая Гроттера в глушь и заставившая его покинуть Тибидохс в расцвете карьеры, должна была быть очень весомой.

— Итак, решено... Сегодня же ночью мы вернёмся сюда с ребёнком и подбросим его Герману Дурневу и его жене. Не может быть, чтобы вид бедной сироты не тронул их сердцец... Пускай воспитывают вместе со своей собственной дочерью. Девочки ровесницы, им будет веселее вместе. Идём, Медузия. Нам пора! А-а-а-апчч! — Внезапно академик чихнул так оглушительно, что с его платка разом сдуло все созвездия, а телефонная будка, стоявшая у дома, с грохотом завалилась набок.

— Я же говорила: вы простудитесь! — укоризненно сказала Медузия.

— Ерунда! — рассердился Сарданапал. — Перестань следить за моим здоровьем! Тот, кому три раза отрубали голову, может не страшиться банальных насморк... Пччч!

Академик белой магии запахнулся в оранжевую мантию и, решительно наступая себе на бороду, направился мимо домов к небольшому скверу. Его беспокойные усы делали отмашку в такт шагам: раз-два, раз-два. Медузия направилась за ним.

Множество прохожих, наполнявших в тот час улицу и спешивших по своим делам, обращали на них очень мало внимания. Да и что должно было привлечь их любопытство, когда они видели лишь косматую дворнягу и чуть поодаль тонкую изящную борзую с длинной мордой? Для опытных волшебников не составляло труда сострять парочку отводящих заклинаний.

Сделав шагов тридцать, академик Сарданапал неловко подпрыгнул, прищёлкнул в воздухе коленками и, буркнув заклинание, растворился в воздухе. Медузия в отличие от своего учителя не обладала способностью к мгновенным исчезновениям из человеческого мира. Она дошла до сквера и извлекла из кустарника детскую лошадку-качалку, расписанную хохломскими узорами. Проверив, на месте ли все двенадцать талисманов, без которых лошадка попросту не взлетела бы, она с трудом взгромоздилась на неё и, круто взмыв, исчезла в кучевых облаках.

Любопытно было то, что даже на смешной детской лошадке доцент Горгонова ухитрилась выглядеть величественно и смотреть перед собой коршуном. Попадись ей где-нибудь на пути Мёртвый Гриф, бедняге не поздоровилось бы. Впрочем, он и так был уже мёртв, так что особенно терять ему было нечего.

Солнце лениво зевнуло и поднялось с крыш. Необычный день продолжался.

* * *

У Германа Дурнева было сто семнадцать плохих настроений. Если первое настроение можно было охарактеризовать как слегка плохое, то последнее, сто семнадцатое, равнялось хорошему восьмибальному шторму. Именно в этом сто семнадцатом скверном настроении руководитель фирмы «Носки секонд-хенд» и возвращался в тот день домой. В дороге ему постоянно мерещилось, что другие машины движутся слишком медленно, и он то и дело начинал стучать ладонью по гудку.

При этом дважды ему мерещилось, что звук гудка слишком тихий, и тогда, высовывая голову из окна машины, он орал:

— Эй, чего тащитесь?! Объезжай его, объезжай! Мне что, выйти и накостылять? До инфаркта хотите довести больного человека?!

Больным человеком Дурнев, разумеется, считал себя.

Основной причиной, по которой настроение Германа Никитича так резко испортилось, было ощущение, что его преследуют и над ним потешаются какие-то странные и таинственные силы. Всё началось с самого утра, когда он только отправился на работу. Ещё по дороге в багажнике машины что-то начало сильно гроыхать, так сильно, что машина даже подскакивала, а когда он вышел посмотреть, то оказалось, что в багажнике ничего нет. Когда же Дурнев вернулся за руль, то обнаружил, что к лобовому стеклу автомобиля приклеился его собственный портрет из журнала. Причём выглядело это так, будто размокшую в луже страницу бросило на стекло ветром...

Директор так переволновался, что, когда отди-
рал свой портрет, пальцы его дрожали и он нечаян-
но оторвал от фотографии часть своей головы вместе
с ухом. Усмотрев в этом скверное для себя предзна-
менование, Герман Никитич проглотил сразу тридцать
таблеток «Успокоя» и запил их пузырьком валерья-
нки.

Когда же он всё-таки прибыл в офис, то обнару-
жил, что мусорная корзина в его кабинете перевёр-
нута, а весь мусор из неё бесцеремонно вытряхнут на
ковёр. И не просто вытряхнут, но и пропитан чем-то
вонючим. Рассвирепевший Дурнев немедленно уволил
уборщицу, хотя та и клялась, что ещё не заходила в его
кабинет.

Открыв же сейф, чтобы взять печать, он узрел там
бледный гриб на тонкой ножке, который, когда Герман
Никитич протянул к нему руку, растёкся по бумагам
липкой нестирающейся слизью. После этого случая
Дурнев рухнул в кресло и долго сидел в нём, потея
и отбивая зубами мелкую дробь.

— Двадцать пять... двадцать шесть... я совсем не
нервничаю... Чего ты на меня уставился? Марш рабо-
тать! Разве я не просил вывести мне прайс на старые
зубные щётки?! — заорал он на робко заглянувшего
сотрудника.

Несчастный сотрудник скользнул в свой крошечный
кабинетик, где пахло съеденными молью свитерами
и изношенными джинсами, и, рухнув на стул, едва не
умер от ужаса.

Нечего и объяснять, что к вечеру Дурнев был со-
всем на взводе.

— Налей мне чего-нибудь выпить... Вот увидишь, в ближайшее время произойдёт нечто скверное! — простонал он, едва оказавшись дома.

В отличие от офиса, буквально забитого уценённым барахлом и ношенными вещами от пола до потолка, в доме у самого Дурнева всё было совершенно новое.

Жена Германа Никитича Нинель была настолько же толстой, насколько её супруг был худ. Когда она спала, то её смявшиеся щёки расплзались по подушке, а тело, накрытое одеялом, походило на снежную гору, с которой можно было съезжать на лыжах.

— Ах, Германчик, ты всё выдумываешь! Не переживай так! Ты весь зелёнький, как новогодняя ёлка! Дай-ка я поцелую тебя в щёчку! — проворковала Нинель сочным басом, ободряюще похлопывая мужа по щедедушной спине унизанной кольцами рукой.

— Тьфу! Брось эти нежности! — буркнул Герман Никитич. Однако его скверное настроение немного рассеялось, перескочив с номера сто семнадцать на шестьдесят шестой, а потом и на пятидесятый.

После ужина Дурнев повеселел настолько, что у него появилось желание пообщаться со своей годовалой дочерью. Пенелопа, или Пипа, как нежно звали её родители, унаследовала от мамы сдвинутые бровки и фигурку чемоданчиком, а от папы — глазки в кучку, оттопыривающиеся уши и редкие белёсые волосы. Разумеется, Дурневы души в ней не чаяли и считали свою Пипу первой красавицей в мире.

Наследница рода Дурневых сидела в манеже и сосредоточенно разламывала куклу. Три обезглавленных

пупса уже валялись на полу, а их головы были насажены на украшавшие манеж штырьки от погремушек.

— Какая умничка! Директором будет, как папуля! — умилился Дурнев.

Он наклонился над манежем и сделал попытку поцеловать Пипу в макушку. Дочь правой рукой ухватила папу за волосы, а левой с зажатой в ней пластмассовой лопатой стала перепиливать папе шею, явно собираясь сотворить с ним то же самое, что и с куклами.

— Лапочка! Чудный ребёнок! — пропыхтел папуля.

Он с трудом высвободил свои волосы и на всякий случай отошёл подальше от манежа, где до него было не достать и не доплюнуть. Пипа с силой метнула лопату ему вслед, но попала всего лишь в вазочку на телевизоре, немедленно с величайшей готовностью брызнувшую осколками.

— Ой, какая сильная у нас дочурка! Какая меткая! — восторженно взвизгнула Нинель.

— Осторожно... Она снимает ботинок! — предупредил Дурнев, на всякий случай закрывая голову руками, чтобы увернуться от этого довольно тяжёлого снаряда.

В этот миг в квартиру вдруг позвонили. Звонок, обычно ехидно пищавший, издал теперь громкую, почти торжествующую трель. Дурнев и его супруга разом вздрогнули.

— Ты кого-нибудь ждёшь, крысик? — спросила Нинель.

— Нет, никого. А ты?

— И я никого... — ответила Нинель, вслед за Германом пробираясь к глазку.

Пипа метнула им вслед ботинок, но шнурок захлестнулся у неё вокруг кисти, и ботинок, отскочив, ударил её по носу. Пипа заревела, как пароходная сирена.

Тем временем Герман выглянул в глазок. В глазке никого не было видно, хотя звонок, не умолкавший ни на секунду, продолжал настойчиво требовать, чтобы открыли.

— Эй, кто там? Предупреждаю: я не люблю этих шуток! — рывкнул Дурнев и, вооружившись молотком, выглянул на площадку. Внезапно лицо у него стало как у старушки, которая по ошибке вместо пуделя погладила нильского крокодила.

Перед дверью, едва помещаясь на узкой площадке, лежал огромный футляр для контрабаса. Футляр был исключительно старый, обшитый снаружи очень толстой шершавой кожей, чем-то смахивающей одновременно и на чешую. Будь Герман Никитич немного эрудированнее или имей привычку, к примеру, перелистывать книги, он легко бы сообразил, что такую кожу художники всегда изображают у драконов. Кроме того, к выпуклой ручке футляра контрабаса была приклёпана небольшая медная бирка, полустёршиеся буквы на которой гласили: «... *shebnye... trumenty maga Feo... barabany, ...trabasy i dr.*».

Но у Дурнева не было ни малейшего желания разглядывать ни футляр, ни тем более бирку на нём. Он смекнул лишь, что ему на порог подкинули большой и крайне подозрительный предмет и тот, кто его подкинул, скорее всего сейчас убегает.

Теряя тапки, Герман Никитич неуклюже перескочил через футляр и, выскочив на лестницу, заорал в гулкую пустоту:

— Эй, вы там! Эй! А ну забирайте вашу подозрительную штуковину — я звоню в милицию! Нечего мне бомбы подбрасывать!

На его крик никто не отозвался. Лишь на миг Дурневу, просунувшему голову между перилами, почудилось, что несколькими этажами ниже мелькнула тень. Затем хлопнула наружная дверь, и всё стихло. Директор фирмы «Носки секонд-хенд» сообразил, что пройдохи, подкинувшие ему загадочную штуковину, сбежали.

Выкрикнув ещё пару угроз, Герман Никитич зашлёпал назад. Футляр был на прежнем месте. Не доходя до него нескольких шагов, Дурнев присел на корточки и подпёр голову ладонями.

— Нинель, Нинель, иди сюда — смотри, что нам подбросили! — жалобно позвал он.

Из квартиры выглянула круглая щекастая голова его супруги. В руке Нинель сжимала сковороду «Тефаль», захваченную с той же целью, с которой её муж вооружился молотком.

— Смотри-ка, футляр! — удивилась она.

— Не вздумай дотрагиваться! Там наверняка бомба! — взвизгнул Герман Никитич.

В этот момент из футляра донёлся странный звук. Дурневы решили, что это тикает часовой механизм.

— Сейчас рванёт! Ложись! — заорал руководитель фирмы «Носки секонд-хенд» и быстро стал отползать. Его супруга плюхнулась на линолеум, прикрывая голову сковородой «Тефаль».

Но ожидаемого взрыва не последовало. Вместо этого из футляра раздался требовательный детский плач. Изумлённо переглядываясь, Дурнев и его супруга под-

ползли к футляру. Щёлкнул старый замок, крышка откинулась...

— А-а! Ты видел? Это ребёнок! — воскликнула Нинель, сталкиваясь лбом со своим супругом.

— Лучше бы бомба! — простонал Герман Никитич.

В футляре, на заботливо подстеленном красном одеяле, лежала маленькая девочка с кудрявыми волосами. На кончике носа у неё была небольшая, с гречневое зерно, родинка. Малышка только что проснулась и теперь громко плакала от голода, энергично барабаня ручками и ножками по футляру контрабаса.

Нинель брезгливо поморщилась:

— Нет, я не возьму её к себе домой! Вдруг она какая-нибудь заразная? Даже наверняка заразная! Посмотри на это подозрительное пятно на носу! Да меня передёрнет от омерзения, если она окажется в одной кроватке с Пипой. Но и бросить её здесь мы тоже не можем. Соседи сбегутся...

— О, разумеется, мы её не бросим! Мы же гуманные люди! Сдадим девочку в дом ребёнка, а когда подрастёт — её отправят в детдом! Там её обучат красить заборы, мести улицы и ещё сотне замечательных профессий! — бодро сказал Дурнев.

Собрав разлетевшиеся по площадке тапки, он уже зашлёпал к телефону, как вдруг его жена воскликнула:

— Смотри, крысик, тут письмо! Вот оно, привязано у ребёнка к запястью!.. Да не размахивай ты руками, маленькая лягушка, я всё равно его заберу!

Наклонившись, Нинель брезгливо высвободила конверт. В него была вложена фотография, взглянув на которую Герман Никитич покрылся бисеринками пота.

На фотографии были сняты два мальчика — один белёсый, тощий, с кислым и злым лицом, а другой задумчивый и грустный, с большим носом и рыжими кудряшками.

— О нет! — простонал Дурнев. — Это я и Ленчик Гроттер, троюродный племянник сестры моей бабушки. Вот посмотри: я пытаюсь огреть его по лбу грузовиком, а он глазеет в свой чёртов телескоп! Недаром сегодня выдался такой скверный день. Неужели эта девчонка его дочь? Если так, то нужно её взять, или придёт конец моей политической карьере. Ты же знаешь, Нинель, я хочу баллотироваться в депутаты...

Услышав, что девчонка может остаться у них, его жена от гнева распухла так, что едва поместилась на площадке.

— Ты мне НИКОГДА не рассказывал ПРО ЛЕНЧИКА ГРОТТЕРА! — гневно взвизгнула она.

Дурнев смущённо закашлялся:

— Ну, вообще-то он не Ленчик, а Леопольд... Ленчиком его звала моя бабушка... О, это была настоящая бестия — не бабушка, конечно, а этот Гроттер! В детстве мы люто ненавидели друг друга. Дрались всякий раз, как встречались. Точнее, это я его колотил, а он больше отсиживался по углам или листал свои идиотские книжки. Он вечно занимался всякой ерундой: то с ежами возился, то учился разговаривать на кошачьем языке, а мне ставили его в пример! И что же ты думаешь? В десять лет он угнал свой первый мотоцикл, а в двенадцать ограбил банк! Вот и верь после этого тихоням!

— Двенадцатилетний мальчик ограбил банк? — не поверила своим ушам его супруга.

— Запросто. Он проделал это с помощью компьютера, даже не выходя из дома, но его засекли. Когда же пришла милиция, он просто-напросто исчез. Все думали, что он в комнате, взломали дверь, а там никого. Его искали, но так и не нашли. Думали даже, что он погиб. Я радовался больше всех, потому что знаешь куда этот придурок перечислил все украденные деньги? В фонд помощи беспризорным собакам!!! Нет чтобы отдать их мне, своему троюродному брату, а он... каким-то шавкам...

Дурнев побагровел от возмущения. Казалось, что из ноздрей и ушей у него вот-вот повалит пар.

— Ну ладно, исчез и исчез, — продолжал он, немного успокоившись. — А теперь слушай дальше. Проходит пятнадцать лет, и я получаю от этого типа новогоднюю открытку с идиотским почтовым штампом, на котором изображено крылатое чудовище. Я прочитал её, швырнул на стул, и она тотчас куда-то запропастилась, прежде чем я успел посмотреть обратный адрес. А теперь вот этот младенец! Интересно, с какой стати Гроттер подбросил мне своего отпрыска?

— Смотри, тут ещё газетная вырезка! — воскликнула Нинель, догадавшаяся ещё раз заглянуть в конверт.

ТРАГЕДИЯ В ГОРАХ

Не проходит и года, чтобы снежные лавины не унесли новые жизни.

На этот раз их жертвами стали археологи Софья и Леопольд Гроттеры, исследовавшие могильники доисторических животных в горах Тянь-Шаня.

Громадная снежная лавина буквально смела их палатку, которую они имели неосторожность разбить на опасной части склона. Тела отважных археологов так и не обнаружены. У Софьи и Леопольда осталась дочь Татьяна, которую теперь, видимо, отдадут родственникам.

Известно, что незадолго до трагедии Гроттерам удалось найти отлично сохранившиеся останки саблезубого тигра.

— Несчастный тигр! Нашёл с кем связаться! Ему ещё повезло, что он был дохлый! — с чувством воскликнул Дурнев.

Это было единственное сожаление, которое Герман Никитич выразил, узнав о кончине своего троюродного брата. Девочка, лежавшая в футляре контрабаса, на то время, пока читали заметку, притихла, а после заплакала вдвое громче.

— Ишь ты, как заливается, словно что-то понимает! — хмыкнул Дурнев. — Спорю, когда она вырастет, её посадят в тюрьму! Только ради того, чтобы полюбоваться этим зрелищем, мы оформим над ней опекунство! Покорми её, Нинель! Там в холодильнике остался просроченный кефир. Всё равно выбрасывать.

Так Герман Дурнев и его жена Нинель стали дядей Германом и тётей Нинелью. Под этими звучными именами они в своё время и вошли в справочное издание «Тысяча самых неприятных лопухойдов».

Глава 2

ЗОЛОТОЙ МЕЧ



Таня Гроттер проснулась на рассвете от холода. На её тонком одеяле был лёд, и такая же ледяная корочка, только чуть потоньше, застыла на подушке. Некоторое время Таня ещё лежала, надеясь забиться под влажное одеяло, но это было бесполезно — становилось ещё противнее и холоднее. Тогда Таня откинула одеяло и торопливо вскочила, мечтая поскорее нырнуть в квартиру, в тепло.

Она дёрнула дверь один раз, другой, третий, но та не поддавалась. Встав на цыпочки, Таня обнаружила, что нижний шпингалет задвинут. Пипа опять взялась за старое. В последний раз она заперла Таню на лоджии в начале весны, девочка простудилась и полтора месяца провела в больнице с воспалением лёгких. Впрочем, время в больнице было не таким уж и плохим, хотя ей ежедневно делали уколы и даже ставили капельницу. Там она, во всяком случае, была в тепле и её никто не шпынял по тридцать раз на дню. И вот теперь снова...

Таня принялась стучать в стекло, но Дурневы крепко спали в соседней комнате. Разбудить их смогла бы только взорвавшаяся в кухне бочка с порохом. Что касается Пипы, то, хотя её кровать и была совсем ря-

дом, она только хихикала и строила Тане отвратительные гримасы. Впрочем, никакая гримаса, даже самая противная, не была столь же противной, как её собственное лошадиное лицо (наследство от папы Германа) с мигавшими на нём круглыми рыбьими глазами (подарок от мамы Нинели).

— Эй ты, страшилище, открой сейчас же! — крикнула Таня Пипа.

— Размечталась! Сиди там и мёрзни. Всё равно тебя когда-нибудь посадят в тюрьму, как и твоего папашу... А мне противно: не хочу, чтобы ты бродила по квартире. Ещё украдёшь что-нибудь, — фыркнула Пипа.

Она достала из ящика стола фотографию в рамке и, плюхнувшись обратно на кровать, стала её рассматривать. Таня не знала, кто на этой фотографии, потому что Пипа постоянно запирала ящик и никогда даже случайно не поворачивала рамку лицевой стороной. Наверняка Таня знала только то, что Пипа без памяти влюблена в того, кто на этом снимке, причём влюблена так, что глазела на него не меньше чем по часу в день.

— Давай, давай! Покажи ему свои прыщи! — крикнула ей Таня.

Пипа яростно засопела.

— Давай, давай! Смотри только нос не отсопи! — ёжась от холода, снова крикнула Таня.

Давая этот совет, она шарила глазами по балкону, прикидывая, нельзя ли чем-нибудь запустить в Пипу. А если запустить нечем, то нет ли хотя бы подходящей верёвки, чтобы, сделав петлю, свесить её из форточки и подцепить шпингалет.

Дурневы никогда не говорили Тане правду о её родителях. Им доставляло удовольствие дразнить девочку рассказами о том, что её папу посадили в тюрьму, а мама умерла, побираясь на вокзале. Саму же Таню дядя Герман и тётя Нинель взяли якобы из жалости. «И разумеется, мы ошиблись! Ты оказалась ещё большая хамка, чем был твой папаша!» — обязательно добавлял дядя Герман.

И это была наглая ложь — Таня не была хамкой, хотя постоять за себя умела. Маленькая, быстрая, бойкая, с мелкими кудряшками, она ухитрилась быть сразу везде. Её острый язычок резал как бритва.

«Этой палец в рот не клади!» — признавала иногда Нинель, которая сама запросто кому угодно могла отгрызть руку по локоть да ещё и сказать, что невкусно. На самом деле Таня вовсе не была вредной, просто с Дурневыми, ежесекундно унижавшими её, иначе было не выжить.

С середины весны и до середины осени Дурневы заставляли Таню спать на застеклённой лоджии, и лишь когда становилось совсем холодно, ей позволялось перелечь в самую дальнюю и тёмную комнату квартиры Дурневых. В ту комнату, где в обычное время стоял пылесос, лестница-стремянка и жила злобная такса по имени Полтора Километра. Эта старая кривоногая колбаса ненавидела девочку так же сильно, как и сами Дурневы, и, выслуживаясь перед хозяевами, вечно висла у неё на пятках.

С того дня, когда Герман и его супруга обнаружили на своей площадке футляр от контрабаса, прошло десять лет. Снова была осень, но уже не яркая и радост-

ная, как тогда, а хмурая и дождливая. Ночью были заморозки, и по утрам на застеклённой лоджии повисали сосульки. Точно такой же лёд образовывался и на тонком матрасе девочки, и на её одеяле. Возможно, Дурневы и позволили бы Тане снова перелечь в комнату, если бы не недавно сделанный ремонт.

— Только представлю, что эта неряха лежит на новой кровати и трогает пальцами наши новые обои, мне просто кусок в горло не лезет, — заявляла тётя Нинель.

— Да, жаль, что мы выбросили старый диван... Но, наверно, она сможет спать на полу, на своём матрасе, — великодушно говорил дядя Герман, когда бывал в хорошем настроении. Однако случалось это крайне редко, потому что хорошее настроение у него было лишь одно, а дурных, как известно, сто семнадцать...

То, что несколько лет назад дядя Герман стал депутатом и даже возглавил комиссию «Сердечная помощь детям и инвалидам», очень мало его изменило. Он даже, пожалуй, стал ещё противнее. А тут к тому же новые выборы на носу! Дядя Герман ходил всё время хмурый и озабоченный и, только выходя на улицу, с омерзением натягивал на себя улыбку, как натягивают старые и не очень чистые носки. От постоянной озабоченности он ещё больше высох. Даже уличные собаки поджимали хвосты и жалобно выли, когда дядя Герман проходил мимо.

Так и не сумев найти на лоджии ничего, что позволило бы дотянуться до шпингалета, Таня слегка приуныла. Упрашивать же Пипу открыть ей она не собиралась, чтобы не доставлять той дополнительного удовольствия.

«Ну ничего, чучундра! Ты у себя ещё обнаружишь в ближайшем домашнем сочинении пять лишних ошибок!» — мстительно подумала она.

Таня закуталась в одеяло, прижалась лбом к стеклу и стала смотреть во двор. Внизу, мелкие, как жуки, стояли автомобили. Серебрились крыши гаражей-ракушек. Невыспавшийся дворник назло всем, кто ещё спит, громыхал крышкой мусорного бака.

«Вот если бы я могла летать! Я бы открыла окно, раскинула руки и улетела далеко-далеко отсюда, за сотни, за тысячи километров, туда, где мой папа! А крылья бы у меня были... ну как тот лист, к примеру...» — тоскливо подумала Таня.

Под её взглядом большой красный лист, дрожавший на отставленной ветке клёна, неожиданно сорвался, взмыл вверх на целых три этажа и приклеился к стеклу с другой стороны прямо напротив её лица. Пока девочка соображала, как могло случиться, что лист, вместо того чтобы лететь вниз, полетел наверх, шпингалет громко клацнул, как затвор винтовки.

Обернувшись, Таня увидела тётю Нинель в ночной рубашке. Протирая глаза, тётя брезгливо смотрела на неё. За прошедшие десять лет она растолстела втрое и могла ездить теперь только в грузовом лифте. Чтобы она протискивалась в кухню, пришлось расширять дверь.

— Чего ты тут торчишь? — с подозрением спросила тётя Нинель.

— А что, нельзя, что ли?.. Меня ваша Пипа заперла, — растерялась Таня. С Дурневыми она вечно ощущала себя виноватой. Вероятно, к этому они

и стремились, день за днём, год за годом отравляя её существование.

— Не смей врать, неблагодарная дрянь! — рявкнула тётя Нинель, как будто не она только что открывала шпингалет. — Что это за «ваша Пипа»? И это после того, как сестра подарила тебе на день рождения свой любимый пенал?!

Таня хотела сказать, что пенал был старым, а ручки все либо пачкались, либо вообще не писали, но решила, что лучше будет промолчать. Тем более что на следующий день Пипа нарочно изрезала пенал лезвием.

— Что молчишь? Думаешь, мне приятно с тобой разговаривать? Марш на кухню перебирать гречку! Лопать любишь — люби и готовить! — рассердилась тётя.

Прошмыгнув мимо неё, Таня пошла на сиявшую небесно-голубым кафелем кухню Дурневых и, высыпав гречку на стол, стала отсеивать тёмные зёрна. По правде сказать, гречка была довольно чистой, но дядя Герман и тётя Нинель были помешаны на экологически чистой еде, сверхчистой воде и прочих подобных затеях. Одних только фильтров у них на кухне стояло целых семь штук. Правда, Таню Дурневы всё равно заставляли пить из-под крана, чтобы не тратить на неё картриджи для фильтров. Однако и Таня не оставалась в долгу, периодически подливая им в чайник воды из бачка унитаза.

Неохотно перебирая гречку, девочка изредка поднимала голову и искоса поглядывала на своё отражение в большой никелированной вытяжке над плитой. Вытяжка была новой, как и кухня, и в ней всё отражалось как в зеркале, но только не плоско, а выпукло.

То ли вытяжка льстила, то ли Таня действительно выглядела значительно лучше Пипы. Складная, озорная, быстроглазая... Вот только небольшая родинка на кончике носа придавала ей не то загадочный, не то захватский вид.

Сколько долгих минут, особенно в первом-втором классе, когда её жутко дразнили и обижали из-за этой родинки, девочка рассматривала её в зеркало! И чем дольше рассматривала, тем чаще ей приходило в голову, что ни у кого больше она не видела похожих родинок. Её родинка иногда меняла цвет, становясь то розовой и незаметной, то почти чёрной. Она могла уменьшаться и увеличиваться в размерах. Всякий раз, когда Таня должна была заболеть или незадолго перед крупной неприятностью, родинка начинала пульсировать и даже сильно печь, будто её прижгли горячим гвоздём. И наконец, совсем рядом с родинкой можно было разглядеть шрам из двух крошечных точек. А не укус ли это, и если да, то чей? Может, и сама родинка возникла от укуса?

На кухню заглянула тётя Нинель. Её громоздкая туша нависла над девочкой, как железобетонная плита.

— Чего копаешься? Перебрала гречку? Из этой кучки сварить нам, а из этих чёрных точек можешь себе чего-нибудь приготовить. И не стесняйся. Если нужен будет хлеб, возьми тот, что остался от гостей. Плесень на нём можно запросто срезать.

За завтраком, кроме каши, Дурневы ели красную икру и бутерброды с осетриной. Таня же уныло сидела на табуретке рядом с собачьей миской и жевала

чёрствый, почти каменный хлеб. Причём, когда она начинала двигаться, такса Полтора Километра рычала и повисала зубами у неё на тапке.

— Не смей дразнить собаку! — взвизгивала тётя Нинель, а довольная Пипа незаметно болтала под столом ногами, стараясь разозлить таксу ещё больше.

Неожиданно из тщедушной груди дяди Германа, мешавшего ложечкой в чае, исторгся душераздирающий вздох.

— Пожалуйста, не кричите! У меня ужасно болит голова. Мне приснился кошмарный сон, — умоляюще попросил он.

Едва он это произнёс, как тётя Нинель и Пипа мгновенно замолчали, и даже Полтора Километра, эта злобная ревматическая моська, перестала рычать. Дело в том, что дяде Герману НИКОГДА В ЖИЗНИ не снились сны. Во всяком случае, прежде он о них не говорил.

— Что же ты видел, пампушечка? — Тётя Нинель иногда называла своего мужа пампушечкой, хотя правильнее было бы называть его скелетошечкой.

Вот и теперь, переделав про себя «пампушечку» в «скелетошечку», Таня тихонько засмеялась и тотчас испуганно оглянулась. Нет, никто не заметил, все поражённо глазели на сновидца дядю Германа.

Дурнев тревожно покосился на окно.

— Мне приснилась старуха, — сказал он полусшёпотом. — Жуткая старуха, которую прислали нам в картонной коробке. Старуха с красными глазами и отвратительной слюнявой челюстью. Она протянула руки... руки были у неё ОТДЕЛЬНО, не крепились

к телу... схватила меня за шею костлявыми пальцами и потребовала...

— Мамочки! Что? — пискнула Пипа, роняя изо рта кусочек осетрины, упавший точно на нос таксе.

— Она сказала: «Отдай мне то, что она прячет!»

— Отдай что?

— Я откуда знаю что? Я даже не знаю, кто такая «она»! — огрызнулся дядя Герман. Он хотел добавить что-то ещё, но внезапно Пипа оглушительно взвизгнула:

— Эй! Эта дура чуть не опрокинула стол! Я ошпарилась чаем!!!

Оба старших Дурнева разом повернулись и уставились на Таню. Пипа продолжала отвратительно визжать, голоса, что её надо срочно в больницу и что она не чувствует ног. Таня сидела как в тумане, не понимая, что случилось и почему все на неё смотрят. А потом вдруг ощутила, что сжимает руками столешницу. Так вот почему визжит Пипа — она, Таня, зачем-то схватилась за стол и, резко дёрнув его, ошпарила её чаем!

Тётя Нинель яростно повернулась. Табуретка под ней — одна из новых, недавно купленных табуреток — оглушительно треснула.

— Не разозли ты меня, я бы её не сломала! А ну марш одеваться и в школу! — закричала она на Таню.

Девочка встала и, не понимая, отчего у неё так кружится голова, пошла в комнату. Она только что поняла, что всё случилось в тот миг, когда дядя Герман упомянул о жуткой старухе и её словах «Отдай мне то, что она прячет!».

* * *

В школу в этот день Таня отправилась одна. Пипа воспользовалась случаем, чтобы свалить всё на ожог, и осталась дома смотреть телевизор.

— Мама! Папа! Из-за этой припадочной я не могу пойти на контрольную! Теперь у меня в четверти точно будет трояк! Это ей, этой идиотке, надо сказать спасибо! Из-за неё я плохо учусь! — вопила она, хотя Таня прекрасно знала, что Пипа видела контрольную в гробу в белых тапочках. К тому же чай вовсе не был таким уж горячим, и если надутая дочка дяди Германа и тётки Нинели и обожглась, то только в своём воображении.

Но самое досадное, что и дядя Герман и тётка Нинель верили каждому слову своей дочурки.

— Ох, Пипочка, ну что же я могу сделать с этой уголовницей? Ты же знаешь, мы пока не можем отдать её в детский дом, а в колонию до четырнадцати лет не берут! — причитала тётка Нинель, когда Таня, одетая в нелепую малиново-серую куртку, у которой вместо пуговиц было какое-то уродство — не то розочки, не то луковицы, — стояла в коридоре.

— Ерунда, — не выдержала Таня. — Если у неё и будет трояк, то лишь потому, что у неё пар в журнале больше, чем прыщей. Вы когда-нибудь видели человека, который «**овощ**» пишет не только с мягким знаком, но и в два слова?

— Не смей выступать! А как, по-твоему, он пишется, без мягкого знака, что ли? Всё, сил моих больше нет! То ко мне прикатываются на приём какие-то гряз-

ные симулянты, прикидывающиеся инвалидами лишь на том основании, что у них нет рук и ног, то это маленькое чудовище... Не могу больше, ухожу... — простонал дядя Герман и, стиснув руками виски, отправился к себе в кабинет.

Тётя Нинель надвинулась на Таню, наклонилась к ней и, с ненавистью прожигая её маленькими, утопавшими в толстых щеках глазками, зашипела как змея:

— Ты за это заплатишься! Поплатишься! Теперь я уж точно вышвырну из дома твой идиотский футляр от контрабаса!

Тане почудилось, что её ткнули раскалённой спицей. Тётя Нинель сумела найти самое больное её место. Уж лучше бы она сто раз назвала её тупицей или дегенераткой — уж к этому-то она привыкла, — но выбросить футляр...

— Только попробуйте его тронуть! — крикнула Таня.

Старый футляр от контрабаса, стоявший в шкафу на застеклённой лоджии, был единственной вещью, которая полностью и безраздельно принадлежала ей в доме Дурневых. Сложно сказать, почему дядя Герман и тётя Нинель до сих пор его не выбросили. Странно и другое — почему они никогда не говорили Тане о том, каким образом этот футляр оказался у них в квартире и кто, плача от голода, лежал в нём.

— Это уж я буду решать, милочка! Можешь не сомневаться: твой футляр сегодня же будет на помойке! А теперь марш в школу! — удовлетворённо фыркнула тётя Нинель.

Пипа, маячившая у мамы за спиной, торжествующе высунула длинный язык цвета непроваренной ливерной колбасы. У Тани перед глазами запрыгали разноцветные пятна. Чтобы не упасть, она опёрлась о притолоку. Лицо тёти Нинели показалось ей вылепленным из сала.

— Если... если вы выбросите его, я уйду из дома! Я буду жить где угодно, на вокзале, в лесу! Слышите? Слышите? — крикнула она.

Тётя Нинель на мгновение растерялась. Она и не подозревала, что Таня может так взорваться. Обычно девочка всё терпела молча. К тому же жене дяди Германа пришло в голову, что, если девочка будет жить на вокзале, об этом разнюхают репортёры и это помешает дальнейшему продвижению её супруга в депутатской комиссии «Сердечная помощь детям и инвалидам». А если учесть, что через два месяца выборы, скандал тем более не нужен.

— Очень испугала... Да живи ты хоть на помойке! А футляр я всё-таки вышвырну — не сегодня, так завтра. Нечего такому страшилищу делать в нашей квартире, — буркнула тётя Нинель уже не так яростно, скорее просто чтобы сразу не сдавать позиций, и, грузно повернувшись на толстых пятках, отправилась на кухню.

Таня же подобрала портфель с учебниками — кошмарный тесный портфель, на котором была изображена лупоглазая кукла и который годился самое большее для первого класса, — и вышла на площадку.

Дождаясь лифта, она слышала, как истерично визжит Пипа, а тётя Нинель, оправдываясь, лепечет ей:

— Ну что я могу? Нам сейчас совсем не надо скандала. Ты же знаешь, у папы скоро выборы! Он такой беспокойный, такой нервный, а тут ещё эти постоянные просители притаскиваются к нему на приём!.. Разве им мало того, что папа ежегодно жертвует в пользу бедных по две тонны просроченных консервов, не считая старой одежды? Ну ничего, очень скоро мы выбросим весь грязный хлам этой нищенки, вот увидишь!

По дороге, да и после, уже в школе, Таня постоянно думала, увидит ли снова свой футляр или нет. Тётя Нинель изыскала прекрасный способ, как отравить её весь день. Да и множество других дней тоже.

* * *

Оказавшись в школе, Таня вскоре поняла, что Пипа совершенно напрасно прогуляла контрольную. Напрасно потому, что контрольную отменили, а вместо неё устроили экскурсию в Оружейную палату, которая должна была быть в следующий четверг.

После первого урока поднялась жуткая суета. На школьный двор въехал красный автобус с табличкой «ЭКСКУРСИОННЫЙ» и стал сигналить. Классная руководительница Ирина Владимировна суетливо размахивала руками — если бы это были не руки, а крылья, она непременно бы взлетела — и кричала:

— Дети, вы слышите меня? Контрольная отменяется! Все, кто сдавал деньги, садятся в автобус! Остальные идут помогать уборщице мыть лестницу с первого этажа по пятый!

Таня вздохнула, предчувствуя, что это относится к ней. Дурневы оплатили только экскурсию Пипы. Тане они никогда ничего не оплачивали — ни подарки на Новый год, ни театры, ничего. Даже за школьные завтраки или проездные билеты дядя Герман всегда сдавал деньги с величайшей неохотой, и то лишь потому, что, откажись он их сдавать, это сразу бросилось бы в глаза. Что касается карманных средств, то о них можно было и не заикаться. Единственными деньгами, которые Таня держала в руках за всю свою жизнь, была монетка в пять рублей, которую она нашла как-то зимой вмёрзшей в лужу. Она так растерялась, что не знала, как её потратить. Монетка долго лежала у неё в кармане, а потом тётя Нинель нашла её и заявила, что Таня украла её у Пипы. Кстати, Пипе за каждую пятёрку платили по пятьдесят рублей, а за четвёрку по сорок. Впрочем, чаще Пипа перебивалась тридцатниками.

Пока её одноклассники забирались в автобус, Таня продолжала растерянно стоять рядом, прикидывая, заставят ли её возить по ступенькам тряпкой или можно будет хотя бы попроситься носить воду. Она уже повернулась, чтобы уйти, но Ирина Владимировна догнала её и, озабоченно подпрыгивая на месте — она вообще вела себя точь-в-точь как курица, — закудахта-
тала:

— Гроттер! Татьяна! Почему ты не в автобусе? Тебе особое приглашение надо?

— Мне не особенно хочется... Терпеть не могу эти музеи, — стараясь не смотреть на неё, сказала Таня.

Ирина Владимировна ещё раз подпрыгнула.